

УДК 008:82 (575.2) (04)

К ПРОБЛЕМЕ “ПРИМИРЕНИЯ НЕПРИМИРИМОГО” В ЖИЗНИ И ТВОРЧЕСТВЕ А.С. ПУШКИНА

В.А. Воропаева – профессор

The article is concerned with eternal topics of the world and classical Russian literature in particular on “the reconciliation of the irreconcilable” The author makes traditional connections of the approaches to this problem in the creativity of the Russian poet A/S Pushkin and Kirgiz writer Ch. Aitmatov

*Посвящается светлой памяти
Чингиза Айтматова*

Как часто все-таки мы стали обращаться к историческим аналогам, особенно литературным. Буквально накануне зимних пушкинских дней в “Слове Кыргызстана” шла обстоятельная речь о романе Чингиза Айтматова “Когда падают горы [Вечная невеста]”. Замечено, что в романе снова зазвучала извечная мучительная тема русской классики – “примирения непримиримого” и что первым взялся за нее А.С. Пушкин в поэме “Тазит”.

Сюжет поэмы “Тазит” прост, но мудр как Правда: в горном селении отвергнутый кровным отцом за то, что, забыв долг крови, не убил супостата (убийцу брата), потому что “убийца был один, изранен, безоружен”, Тазит идет к отцу любимой им девушки, “...не властный превозмочь волнений сердца...”.

«И говорит: “Твоя мне дочь
Давно мила. По ней тоскуя,
Один и сир, давно живу я.
Благослови любовь мою.
Я беден, но могуч и молод.
Мне труд легок. Я удалю
От нашей сакли тощий голод.
Тебе я буду сын и друг
Послушный, преданный и нежный.
Твоим сынам кунак надежный,
А ей – приверженный супруг» [1: 222] ...

Очевидно, Поэт очень хотел оставить литературе эту великую идею – идею примирения. И друзья это поняли, опубликовав как Завещание “Тазит” в его “Современнике” после смерти Поэта, хотя писалась поэма еще в конце 1829 – начале 1830 г.

“Следовать за мыслями великого человека есть наука самая занимательная”, – говаривал Александр Сергеевич, занимаясь историей эпохи Петра Великого. Поразмывляем и мы над творчеством, жизнью, судьбой самого Поэта.

Суть жизни Поэта – борьба за Истину и Честь свою, женщины, друзей. Он ищет эту борьбу, сам идет к ней. Известно, что и для простого обывателя его жизнь – тоже борьба. Но только Поэт идет ей навстречу, стремится быть замечен в ней. И об этом А.С. Пушкин назидательно напоминает во многих своих произведениях.

Во времена Пушкина многие проблемы, в том числе и борьбы за Честь, решались через дуэль. Пылкий и решительный характер Поэта любую ссору приводил обязательно к дуэли, и таких дуэлей было немало. Как свидетельствует история жизни Поэта, он “дрался” для себя – не для публики. Будучи отменным стрелком, он ни разу не пролил кровь противника... На дуэли Поэт мерился не в искусстве стрельбы, где мог бы всегда побеждать, скорее, – в силе духа...

В октябре 1830 г. А.С. Пушкин пишет повесть “Выстрел” [2: 54–65], в основу сюжета которой положен автобиографичный случай из жизни Поэта, содержащий описание собственной дуэли с офицером Зубовым, произошедшей в июне 1822 г. в Кишиневе.

В воспоминаниях И.П. Липранди обстоятельства дуэли изложены примерно так: «Они (то есть Зубов и Пушкин) отправились на виноградник недалеко от города. Противник стрелял первым. Александр Сергеевич же изволил в это самое время у барьера *завтракать черешнями*, отправляя косточки в ту сторону, откуда грозил прилететь свинец. Зубов промазал. “Довольны ли вы, милостивый государь?” – осведомился Пушкин, которому пришел черед стрелять. Его противник, вместо того чтобы потребовать выстрела, бросился к нему с объятиями. “Это лишнее”, – заметил Пушкин и, не стреляя, удалился».

Здесь следует обратить внимание на факт: *не стреляя, то есть формально сохраняя право выстрела*. Но... А.С. Пушкин этим правом потом никогда не воспользовался. Зубов для него как будто перестал существовать, и даже более, чем если бы был убит...

Именно в этот период времени, конкретнее, в 1823 г., А.С. Пушкин в одном из черновых набросков записал:

“Ищу стихий других, земли жилец усталый...” [3: 319]

Наверное, завтракая черешнями на дуэли с Зубовым, молодой Поэт только внешне проявил некую браваду. Однако в финале: не стрелять, а потом не замечать просматривалась его “усталость” от общественных условностей. В ту пору он даже не стал писать об этой дуэли.

Заметим, что изначально повесть “Выстрел” состояла только из одной первой главы. В ее конце 12 октября рукой автора было написано: “Окончание потеряно”. То есть Поэт как будто отказался от намерения продолжить рассказ... Но буквально через два дня – 14 октября 1830 г.¹ А.С. Пушкин заканчивает “Выстрел” еще одной главой. И потом, публикуя повесть, он не внес в текст никаких существенных изменений.

¹ А.С. Пушкин имел обыкновение в конце своего произведения ставить дату его написания. – В.В.

В основе сюжета повести – опять дуэль, где главный герой Сильвио заметил противнику: “Я доволен, я видел твоё смятение, твою робость; я заставил тебя выстрелить по мне, с меня довольно. Будешь меня помнить. Предаю тебя твоей совести” [2: 65].

В мае 1830 г. А.С. Пушкин был помолвлен с Н.Н. Гончаровой. Новые жизненные обстоятельства, возможно, и продиктовали необходимость создания в повести нового образа – жены графа-обидчика. На вопрос графини: “Правда ли, что вы оба шутите?” – грозный Сильвио ответил: “Он всегда шутит, графиня. Однажды дал он мне шутя пощечину, шутя прострелил мне вот эту фуражку, шутя дал сейчас по мне промах; теперь и мне пришла охота пошутить”. С этим словом он хотел в меня прицелиться... при ней! Маша бросилась к его ногам. “... Встань, Маша, стыдно! – закричал я в бешенстве...” [2: 64–65]. Сильвио выстрелил, но не в графа..., в картину. Все-таки выстрелил, не оставляя себе права на выстрел в других условиях. В конце повести Сильвио покидает общество, в котором он жил, и уезжает в Грецию, где идет война за свободу от турецкого ига. Здесь он и погибает.

Образ Поэта всегда ассоциируется с людьми, окружавшими его при жизни. И ни один из его современников не был равнодушен к нему, к его творчеству и особенно к его смерти. Кто-то из них злословил, ускорив трагедию. Но их было не так уж много.

Гораздо больше было современников, оставивших и нам завещание: “...смирненно благоговеть перед его определением” (И. Пущин). Но здесь возникает вопрос: а каково его “определение”? Сам А.С. Пушкин определил свое творчество так: “чувства добрые я лирой пробуждал”! И это “определение” никак не соотносится с дуэлью, приведшей к гибели самого Поэта, если к ней отнестись обывательски. Намеревался ли Поэт, “пробуждающий чувства добрые своей лирой”, убить, пусть даже и большого мерзавца? Все вопросы задаются при всеобщем забвении о том, что последняя дуэль произошла по вызову Дантеса, не А.С. Пушкина.

Для того чтобы конкретно представить бытование Поэта, попробуем внимательно присмотреться к хронике последнего года его жизни – 1836г.:

– 23 мая его супруга Наталья Николаевна родила дочь, названную Натальей. Все лето А.С. Пушкин занимался семьей, “Современником” и “Капитанской дочкой”...

19 октября закончена “Капитанская дочка” и 1 ноября А.С. Пушкин читает ее друзьям у П.А. Вяземского. Перечитаем и мы заново в который раз “Капитанскую дочку” и сравним с “Историей Пугачевского бунта”, увидевшей свет гораздо раньше, в конце декабря 1834 г. В “Истории” с математической точностью А.С. Пушкиным даны материалы о злодеяниях, убийствах, грабежах, разгромах, учиненных сподвижниками Пугачева. Что же случилось с Поэтом, если теперь в “Капитанской дочке” вселенский злодей Пугачев становится “батюшкой злодеем”?

Марина Цветаева в своем эссе “Пушкин и Пугачев” [4] с эпиграфом: “...Пушкин меня заразил любовью...” пишет о том, что, возможно, перед казнью в сознании Е. Пугачева пронесся образ любимой (Елизаветы Харловой?). Возможно, но, думается, о последних мыслях Пугачева можно только догадываться.

Однако эссе М. Цветаевой натолкнуло на размышления о том, что тема Любви и понятия о Чести в “Капитанской дочке” просматриваются как-то особенно трагично.

И опять “странные сближения”...

Известно, что в 1834 г. в Петербург прибывает Дантес и вторгается в семейную жизнь Пушкиных. В 1836 г. общество “швабриных” раздувает пожар, накаляет обстановку и приводит к трагической дуэли.

Думается, в треугольнике Швабрин – Маша – Гринев Поэт видит себя и опасается за судьбу своей жены. Он как будто сообщает о том, что не так страшны “пугачевы”, как люди, подобные “швабриным”. Эта идея явно чувствуется и проходит через всю “Капитанскую дочку”. В дуэли Гринева – Швабрина А.С. Пушкин предвидел свою судьбу – судьбу “невольника чести” (М. Лермонтов).

Здесь А.С. Пушкин посчитал необходимым дать возможность Пугачеву рискнуть, обманув своих сподвижников, заступиться за любовь Маши и Гринева.

Пугачев – предводитель злодеев, которых можно и обмануть, помогает влюбленным соединиться и уехать, избежав большой траге-

дии. Что это? Поиски возможных путей “защиты незащищенной любви” в экстремальной ситуации?.. Но от кого приходится защищать Любовь на дуэли Чести? От “швабриных”? Но Швабрин – Шванвич – единственный потомственный дворянин, предавшийся Пугачеву, все остальные – из разночинцев. И Шванвич, и сам А.С. Пушкин, и все остальное светское общество – общество дворянское, против которого учинил грозный бунт Пугачев. Здесь, как в Завещании, А.С. Пушкин ищет возможность “примирить непримиримое”. Петр Гринев – также сын своего общества – общества дворян, находит защиту в противоположном социальном лагере, у Пугачева, как в “Газите”, почти умоляя: “Благослови любовь мою...”, но не умаляя Чести. “...Найдите мне поэта без Пугачева! Без Самозванца! Без Корсиканца! – внутри. У поэта на Пугачева может только не хватить сил (средств). Mais l’intention y est toujours”¹ [5: 183].

Наверное, Марина Цветаева лучше всех других поэтов разглядела отношение А.С. Пушкина к Пугачеву. Нас она вновь подвигнула к идее “примирения непримиримого”. В данном случае возможно ли мирное сосуществование разнополярных сословий – дворянства и простого народа, вечно стремящегося к освобождению от гнета – к Свободе? Вот тут-то мы видим образ дворянина Гринева, с его понятиями о Чести, и Пугачева – Вожака из народа, с его понятиями о Чести как мудрости, милости, достоинстве своего предназначения. И между ними образы Маши (Вечная любовь) и бесчестного Швабрина – тоже дворянина. И здесь каждый образ решает в реальной обстановке свои проблемы.

Сама Марина Цветаева – поэт, влюбленный в жизнь, в людей, особенно в своих близких, устремилась в суровую Сибирь, дабы спасти их. Но не смогла она преодолеть реалии жизни и добровольно ушла из нее. У поэта не хватило сил для борьбы...

М. Цветаева рассматривает образ Пугачева в “Капитанской дочке” как “дань поэта – врагу, еще дань эпохе романтизма...” “Да, да эта самая классическая, кристальная, и, как вы ее еще называете, проза – чистейший роман-

¹ Но намерение всегда наличествует (франц.).

тизм, кристалл романтизма. ...И Карл Моор, и Гетц, и Лара, и Мцыри и, собственно пушкинский Алеко – идеи, в лучшем случае, – видения, Пугачев – живой человек. Живой мужик. И этот живой мужик – самый неодолимый из всех романтических героев, сравнимый только с другим реалистическим героем, праотцом всех романтических: Дон-Кихотом” [4: 86-87].

Но, как заметили специалисты, в “Капитанской дочке” все образы свободны от романтической идеализации, равно как и от натуралистической реализации. Благодаря безыскусственным историческим фактам А.С. Пушкин романтическое “дон-кихотство” реализовал в очень натуралистической бунтарской “пугачевщине”.

В произведениях А.С. Пушкина Гринев-отец и Дубровский-отец не просто дворяне, а именно дворяне фрондирующие. Но... куда же пойдут их сыновья? Со своим дворянским сословием или крестьянским?

После разгрома восстания декабристов и особенно, наверно, работая над “Пугачевым”, А.С. Пушкин часто думал о том, в каком отношении окажется “стихия мятежей” дворян к другой стихии мятежей – крестьянской? Причем поэта беспокоит не проблема предотвращения крестьянской революции, скорее, – проблема выхода из той ситуации, которая сложилась после разгрома декабристов в 1825 г.

Через образы Пугачева – Гринева – Швабрина ясно просматривается вовсе не романтическая, скорее, очень реальная идея: могут ли сомкнуться эти две стихии и нужно ли им сомкнуться? Хорошо ли это будет? И каким образом эту идею реализовать?

Последний вопрос смыкается, как видим, в “Капитанской дочке”, волнует классическую литературу, и не только ее – нас всех: можно ли примирить непримиримое и как это сделать? И в пушкинской “Капитанской дочке”, и в айтматовском “Когда падают горы [Вечная невеста]” – это Любовь. Только у Пушкина пока еще в соответствии с романтизмом влюбленные спасаются благодаря заботам социально чуждого им – дворянам – бунтаря Пугачева. Но здесь Поэт оговаривается: Гринев как мемуарист излагает “пугачевские” события уже спустя несколько десятилетий “в кроткое царствование императора Александра”, то есть – в зависимости от исторической эпохи.

Н.В. Гоголь в те дни сказал о “Капитанской дочке”: “Чистота и безыскусственность возшли в ней на такую высокую степень, что сама действительность кажется перед нею искусственной и карикатурной” [6: 384–385].

И как будто в подтверждение мыслей Поэта о “швабриных” и их отношении к понятию Чести 4 ноября А.С. Пушкин и несколько его друзей получают анонимное послание, оскорбительное для его чести и чести его жены – Натальи Николаевны. Возмущенный Поэт 5 ноября вызывает Дантеса на дуэль. Но уже 6 ноября по просьбе голландского посланника Геккерна, приемного отца Дантеса, дуэль отсрочена на 15 дней.

За это время произошло много событий, в частности, в середине ноября Дантес сватается к Е.Н. Гончаровой – сестре жены Пушкина. Узнав об этом, Поэт берет свой вызов обратно. Тем не менее, 21 ноября А.С. Пушкин посчитал необходимым историю с анонимным письмом и отмененной дуэлью сообщить А.Х. Бенкендорфу¹.

“Тем временем, – писал А.С. Пушкин, – я удостоверился, что анонимное письмо исходило от Г. Геккерна, о чем полагаю своим долгом довести до сведения правительства и общества” [7: 62]. Очевидно, по ходатайству А.Х. Бенкендорфа 23 ноября император Николай I принимает А.С. Пушкина в Зимнем дворце.

В беседе с императором А.С. Пушкин повторил свои обвинения, подчеркнув оскорбительность анонимного письма для его собственной чести и чести его жены, настаивая также на своем убеждении, что автором его является голландский посланник.

Император выслушал с вниманием и пообещал Поэту расследовать это дело, взяв с него слово “не драться” и “в случае чего” повелел обратиться прямо к Его Величеству. На том и закончился разговор. Возможно, и сам Поэт надеялся, что на этом будет как-то исчерпан происшедший инцидент...

Венчание Дантеса и Е.Н. Гончаровой в Петербурге в соборе св. Екатерины произошло 10 января 1837 г.

¹ А.Х. Бенкендорф – шеф корпуса жандармов и начальник III отделения Его Императорского Величества канцелярии, генерал-адъютант. Был посредником в отношениях царя с А.С. Пушкиным.

– 21 января Пушкин беседует с П.А. Плетневым о работе над “Историей Петра Первого”, то есть продолжает заниматься литературным трудом, обещание “не драться”, данное царю, Поэт выполняет.

Тем временем откровенно оскорбительные ухаживания Дантеса за женой Пушкина продолжают. И 26 января Поэт посылает письмо Геккерну, в котором подводит “итог тому, что произошло недавно”. Письмо, написанное в чрезвычайно оскорбительном тоне, отрезало все возможности к примирению. От Дантеса последовал вызов на дуэль [7: 63; 8: 549].

Считаем необходимым передать содержание документа “Условия дуэли между г. Пушкиным и г. бароном Жоржем Геккерном”, обнаруженного в Пушкинской энциклопедии [7: 63].

“1. Противники становятся на расстоянии двадцати шагов друг от друга, за пять шагов назад от двух барьеров, расстояние между которыми равняется десяти шагам.

2. Противники, вооруженные пистолетами, по данному сигналу, идя один на другого, но ни в коем случае не переступая барьера, могут пустить в дело свое оружие.

3. Сверх того принимается, что после первого выстрела противникам не дозволяется менять место для того, чтобы выстреливший первым подвергся огню своего противника на том же расстоянии.

4. Когда обе стороны сделают по выстрелу, то если не будет результата, поединок возобновляется на прежних условиях: противники становятся на то же расстояние в двадцать шагов; сохраняются те же барьеры и те же правила.

5. Секунданты являются непременно посредниками во всяком объяснении между противниками на месте боя.

6. Нижеподписавшиеся секунданты этого поединка, облеченные всеми полномочиями, обеспечивают, каждый за свою сторону, свою честью строгое соблюдение изложенных здесь условий.

Константин Данзас,
инженер-полковник.
Виконт д’Аришак,
атташе французского посольства
(фр.)”.

Дуэль Пушкина с Дантесом произошла 27 января. Пушкин был смертельно ранен и 29 января, в 14 часов 45 минут поэт умер.

Утром 1 февраля в 11 часов происходит отпевание тела Пушкина в Конюшенной церкви. Тело Пушкина привезено в Святогорский монастырь 5 февраля и 6 февраля в 7 часов утра – погребено у стен Успенского собора Святогорского монастыря.

Княгиня Вревская вспоминала позднее, как при их последней встрече 25 января 1837 г. А.С. Пушкин вдруг задумчиво стал читать строки из “Онегина”:

“Прости ж и ты, мой спутник странный,
И ты, мой верный идеал.
И ты, живой и постоянный,
Хоть малый труд. Я с вами знал
Все, что завидно для поэта:
Забвенье жизни в бурях света,
Беседу сладкую друзей,
Промчалось много, много дней...” [8: 161]

И потом добавил:

“Две пули – больше ничего –
Вдруг разрешат судьбу его”.

Леонид Гроссман в своем произведении “Пушкин” (Серия ЖЗЛ. – М., 1960. – С. 498–499) привел неизвестный рассказ о дуэли Пушкина из крупнейшего европейского журнала 40-х гг. Замечено, что это вообще первое печатное описание знаменитого поединка, о котором в николаевской России запрещено было писать [9: 417–434].

«Все это происходило в январе. Снег, затверделый от мороза, сверкал вдалеке за городом под холодными лучами зловеще багрового солнца. Двое саней, сопровождаемых каретой, одновременно выехали из города и остановились за Новой Деревней, отстоящей в трех-четырёх километрах от Петербурга. Оба противника вошли в небольшую березовую рощу. Их секунданты – оба весьма достойные люди – выбрали площадку среди просеки, образованной деревьями... Пушкин наблюдал за их действиями нетерпеливым и пасмурным взглядом. Как только печальные приготовления были закончены, соперники стали друг против друга. Предоставленные им на продвижение пять шагов были также отмерены, и два плаща отмечали границы расстояния, которые запрещено было переступить. Был подан знак. Г. Дантес

сделал несколько шагов, медленно поднял оружие, и в тот же миг раздался выстрел. Пушкин упал; его противник бросился к нему.

“Стой!” – крикнул раненый, пытаясь приподняться. И, опираясь одной рукой о снежный наст, он повторил этот возглас, сопроводив его резким выражением: “Я еще могу выстрелить и имею на это право”. Г. Дантес вернулся на свое место, приблизившиеся было секунданты отошли в сторону. Поэт, перенеся с трудом тяжесть своего корпуса на левую руку, стал долго целиться. Но, вдруг заметив, что его оружие покрыто снегом, он потребовал другое. Его желание было немедленно выполнено. Несчастный невероятно страдал, но его воля господствовала над физической болью. Он взял другой пистолет, взглянул на него и выстрелил. Г. Дантес пошатнулся и, в свою очередь, упал. Поэт испустил ликующий крик: “Он убит!..”. Но эта радость длилась недолго. Г. Дантес приподнялся; он был ранен в плечо, рана не представляла никакой опасности. Пушкин потерял сознание. Его перенесли в карету, и с грустью направились в город».

Как уже заметили некоторые пушкиноведы, секунданты Пушкина (Данзас) проявили беспечность уже при подготовке дуэли. Они не предусмотрели присутствие врача, карету для легкой доставки тяжелораненого, не было бинта и тампона для первой помощи.

Секунданту А.С. Пушкина Данзасу пришлось принять “любезность” противника, предложившего карету Геккерена для перевозки истекающего кровью поэта. Это обстоятельство от Пушкина было скрыто.

Но вернемся к условиям дуэли, выработанным секундантами и согласованным с противниками, – А.С. Пушкиным и Дантесом, – и попробуем порассуждать над вопросом, будирующим многие поколения до сих пор: намеревался ли Поэт убить Дантеса? Полный текст “Условий дуэли между г. Пушкиным и г. бароном Жоржем Геккерном” свидетельствует о довольно жестких правилах, которые обязан был соблюдать Поэт. И все-таки он не только согласился, но и настаивал на их соблюдении.

После выстрела противникам не позволялось менять место: то есть ни приближаться самому, ни требовать к барьеру противника. Выстреливший первым подвергался огню вто-

рого на том же самом расстоянии. Преимущество второго выстрела терялось, мало того, выстреливший первым мог затем принять защитную позу, что Дантес на самом деле и сделал. Если считать, что Пушкин стремился непременно убить противника, он постарался бы стрелять первым.

Учитывая ничтожность расстояния и достаточную искусность А.С. Пушкина в стрельбе, можно было и вовсе не идти к барьеру, а стрелять сразу же после знака секунданта – условия позволяли. Поэт не сделал этого. Значит, не хотел?!

Подвигает к размышлениям еще одна деталь из истории дуэли: когда тяжелораненый А. Пушкин начал целиться в Дантеса, он обнаружил, что дуло его пистолета забито снегом. Ему, искусному стрелку и знатоку оружия, было известно, что на морозе такой пистолет усиливает удар выстрела. И Поэт потребовал заменить оружие...

В связи с этим случаем из роковой дуэли Пушкина и Дантеса припоминается другая дуэль Поэта с его другом-лицеистом Кюхельбекером, происшедшая тоже зимой. Кюхельбекер стрелял первым и промахнулся. Пушкин кинул пистолет и хотел обнять своего товарища, но тот неистово требовал ответного выстрела. Пушкину насилу удалось убедить друга, что в пистолет забился снег, и нет никакой возможности стрелять из него. Поединок был отложен, а вскоре они помирились.

Что-то не хочется думать о том, что и на последней своей дуэли Поэт вспомнил о той далекой юношеской, которая закончилась примирением. Но... “бывают же странные сближения”, как заметил когда-то сам Александр Сергеевич. Если не примирение, то и не убийство!

Если бы пистолет не был заменен, Пушкин имел бы все основания, не стреляя, формально сохранить право выстрела за собой, как поступил он в случае с Зубовым. Мало того, он не нарушил бы обязательство, данное императору, – “не драться”. Но так не случилось: пистолет был заменен...

Современники вспоминали: смертельно раненый Пушкин все-таки выстрелил в Дантеса и, увидев его падение, вскричал: “Браво!” Но в ответ на известие о легком ранении Дантеса, он сказал: “Странно, я думал, что мне

доставит удовольствие его убить, но я чувствую теперь, что нет. Впрочем, все равно. Как только мы поправимся, снова начнем”.

Очевидно, Пушкину нужна была другая месть. Княгине Вере Вяземской он как-то говорил, что все еще услышат о мести, единственной в своем роде, полной, совершенной, которая бросит его врага в грязь. Современники в те дни вспоминали, как еще в Кишиневе он заявил одному малодушному офицеру, французу на русской службе, некоему Дегилю, что недостаточно быть трусом, нужно еще быть им откровенно...

Друзья Поэта говорили о том, что он ждал этой дуэли, смерти не боялся. Он был достаточно уверен в промахе, в том, что рука Дантеса дрогнет. Но если противник выдержит, то невредимый Пушкин, учитывая условия дуэли, очевидно, не стал бы стрелять, оставив выстрел за собой, как это сделал Сильвио в «Выстреле». Условия, выработанные секундантами, не учитывали такого варианта и, следовательно, не запрещали. Дантес же на подобное предложение не мог не ответить согласием, иначе над ним нависла бы угроза прослыть трусом. Это был бы достойный выход.

Ну а для А.С. Пушкина наказанием за эту бескровную дуэль могло быть удаление в деревню вместе с Натальей Николаевной, к чему Поэт стремился давно. Тем более, что многие слышали его слова: “Если Бог и оставит меня на земле, то царь не оставит в Петербурге”.

Но так не случилось. 27 января дуэль произошла, Пушкин был смертельно ранен и 29 января умер...

Из всех современников наилучшую оценку петербургской трагедии дал сын историка Н. Карамзина Андрей. Он в это время был в Париже и, узнав о смерти А.С. Пушкина, писал своей матери: “Поздравьте от меня петербургское общество, маменька, оно сработало славное дело. Пошлыми сплетнями, низкой завистью к гению и красоте оно довело драму, им сочиненную, к развязке, поздравьте его, оно стоит того. Бедная Россия! Одна звезда за другою гаснет на твоём пустынном небе, и напрасно смотрим, не зажигается ли заря, на востоке темно... То, что сестра мне пишет о суждениях хорошего общества, высшего круга, гостиней аристократии (черт знает, как эту

сволочь назвать!), меня нимало не удивило: оно выдержало свой характер. Убийца бранит свою жертву – и это должно быть так, это в порядке вещей. Быстро переменялись чувства в душе моей при чтении вашего письма, желчь и досада наполнили ее при известии, что и в церковь пускали по билетам только la haute societe¹. Ее-то зачем? Разве Пушкин принадлежал к ней? С тех пор, как он попал в ее тлетворную атмосферу, – его гению стало душно, он замолк...

Meconnu et depreccie il a vegete sur ce sol arride et est tombe victime de la medisance et de la calomnie².

Выгнать бы их и впустить рыдающую толпу, и народная душа Пушкина улыбнулась бы свыше” [11: 504–505].

Позднее, 16 июля 1837 г., из Баден-Бадена А.Н. Карамзин снова пишет Е.А. Карамзиной: “В понедельник был бал у Полуэктовой... Странно было мне смотреть на Дантеса, как он с кавалергардскими ухватками предводительствовал мазуркой и котильоном, как в дни былые”.

Действительно странно, если буквально за несколько дней до бала, 28 июня, встретившись с А. Карамзиным, Дантес “со слезами на глазах говорил” о том, что его огорчает отношение к нему всех, и в частности семейства Карамзиных. “Мое полное оправдание может прийти только от г-жи Пушкиной: через несколько лет, когда она успокоится, она может быть скажет, что я все сделал, чтобы их спасти...” [10: 543–544] Не дождался Дантес оправдания своему поступку ни от Натальи Николаевны, ни от потомков.

* * *

В. Вересаев пишет: «На недоуменный вопрос образованного европейца, откуда у вас такая литература, как вырвалась она из груди вашего народа? – слышали в ответ: «В авторе “Руслана и Людмилы”, “Онегина” и “Капитанской дочки” – средоточие нашей литературы: Пушкиным у нас умнеет все, что способно умнеть». ...Его эмоции и мысли, необычайно

¹ Высшее общество.

² Непризнанный и обесцененный, он прозябал на этой бесплодной почве и пал жертвою злословия и клеветы.

соединяя личное с общечеловеческим, создают поразительное ощущение нужности и осмысленности жизни, создают иллюзию близкой цели... Идя вверх по течению, от устья к истоку, мы всюду непременно приходим к Пушкину, его замыслам, его мироотношению» [11: 547–548].

И о своем мироотношении, наверное, думал А.С. Пушкин, когда писал:

“Завидую тебе, питомец моря смелый,
Под сенью парусов и в бурях поседелый!
Спокойной пристани давно ли ты достиг –
Давно ли тишины вкусил отрадный миг –
И вновь тебя зовут заманчивые волны.
Дай руку – в нас сердца единой страстью
полны.

Для неба дальнего, для отдаленных стран
Оставим берега Европы обветшалой;

Ищу стихий других, земли жилец

усталый,

Приветствую тебя, **свободный океан**¹

[3: 319]!

1823 г. Черновой набросок”

“...Мы тоже вовлечены в охоту на абсолютный поступок – по Истине: возможно ли удовлетворить всем критериям? И оказалось – только жертвой, при готовности на смерть. Но и смерть свою можно сделать актом Свободы, что прорывает тиски Судьбы” [12: 3], – заметил Георгий Гачев в своем предисловии к книге Ч. Айтматова “Когда падают горы. Вечная невеста”.

И сегодня через айтматовскую “Вечную невесту” обращаемся к «верховьям» классики, к неумирающему пушкинскому “Тазиту”:

“...Благослови любовь мою...”.

И в пушкинскую эпоху, и в айтматовскую, даже “когда падают горы”, только в состоянии

Любви ко “всему сущему” человек ощущает себя существом космическим – как и было загадано самой Природой.

Литература

1. *Пушкин А.С.* Поэмы. Собр. соч.: В 10 т. – М., 1981. – Т. III.
2. *Пушкин А.С.* Романы и повести // Указ собр. соч. – Т. V.
3. *Пушкин А.С.* Стихотворения. 1813–1824 (Юг) // Указ собр. соч. – Т. I.
4. *Цветаева М.* Пушкин и Пугачев. 1937 // *Цветаева М.* Мой Пушкин. – Алма-Ата, 1990.
5. *Цветаева М.* Искусство при свете сове(сти). 1934 // *Цветаева М.* Мой Пушкин.
6. *Гоголь Н.В.* Выбранные места из переписки с друзьями (гл. XXXI “В чем же, наконец, существо русской поэзии и в чем ее особенность”). 1847. Полн. собр. соч. – М.-Л., 1952. – Т. 8.
7. Пушкинская энциклопедия 1799–1999. – М., 1999.
8. *Пушкин А.С.* Евгений Онегин // Указ. собр. соч. – Т. 4.
9. Полный текст этого рассказа опубликован в издании “Пушкин. Временник пушкинской комиссии”, IV–V. – М.-Л., 1939. Автор статьи – лектор французского языка в Петербургском университете Шарль де Сен-Жюльен. Перевод на русский язык Л. Гроссмана (?). Л. Гроссман в сноске в своем “Пушкине” пишет: “Полный текст опубликован нами...”.
10. *Вересаев В.* Пушкин в жизни. Систематический свод подлинных свидетельств современников. – М., 1987.
11. *Гроссман Л.* Пушкин. – М., 1960.
12. *Гачев Г.* О том, как жить и как умирать // Ч. Айтматов. Когда падают горы [Вечная невеста]. – СПб, 2006.

¹ Выделено – В.В.